

ЛУИ АРАГОН

У Ромэн Роллана, инженера душ

Я давно ждал этого дня. Я еще был полон воспоминаниями о празднестве, устроенном Парижем в связи с 70-летием Ромэн Роллана, все еще находился под глубоким впечатлением этого торжества, по окончании которого Андрэ Шамсон спросил меня: «Устроим ли мы еще более прекрасное празднество после революции?» Приехав в Вильнев, я думал о Жан-Жаке Руссо, память о котором еще жива в этом месте и которого я не могу не считать предшественником того, которого я хотел здесь видеть.

Вилла «Ольга» — небольшой дом на берегу Женевского озера. Здесь живет Ромэн Роллан. Здесь ведет скромную жизнь человек, имя которого заставляет ускоренно биться сердца людей во всем мире. Запала собака, открылась дверь. На лестнице показался высокий, худой человек с синими глазами, в которых скрывается немного проницательности и бесконечно много доброты.

Этот взгляд охватил всю нашу эпоху: он оценил существующий строй, взвесил всю ту ложь, во имя которой погналы миллионы людей на бойню. Этот взгляд смотрит в будущее, освещая наш путь. Если какой-нибудь человек поистине заглянул великолепно звание инженера душ, звание, которым Сталин определил подлинную миссию писателя, то это — Ромэн Роллан, учитель многих поколений в области гуманизма и искусства, искавший и нашедший подлинный путь к миру, вдохновитель амстердамского конгресса и предвестник народного фронта. Я пришел к нему со своими вопросами.

Ромэн Роллан вертит в руках бумажку с вопросами, которую я ему заранее прислал, зная, что он не охотник до интервью.

— Разрешите мне, — говорит Ромэн Роллан, — изменить порядок ваших вопросов. Ибо я считаю, что основной проблемой для каждого из нас является объяснение того, как мы пришли к той области искусства и культуры, где мы с вами встретились. Моим первым большим промахом в области искусства, лишенным меры, как все, что делаешь в 20 лет, была

эпопея, трагедия человечества, пьеса драм, охватывающих все противоречивые силы жизни, веру и неверие, волю к власти и отречение и прочее — силы, которые я считал законными, поскольку они со всей искренностью отражали различные стороны человеческой природы. «Драма революции», или Додекалогия, которую я рассматривал как один из этих кругов, один из закрытых миров, рождающихся, растущих и умирающих.

Второй этап моего развития характеризовался разрыванием этого круга, который начал стремиться к тому, чтобы превратиться в кривую. Хотя я попрежнему был одинок, суровые бои жизни нанесли мне жестокие удары, и я чувствовал всю реальность и необходимость борьбы. «Жан Кристоф» отразил эту новую для меня эпоху от 1900 до 1914 года. Основную сущность этой фазы лучше всего найти в диалоге Кристофа с его богом. Его бог уже не является закрытым кругом «Драмы революции». Это не бог, это борьба, которая превращается у Кристофа по временам в борьбу классов. Кристоф борется и гибнет на баррикаде.

Несмотря на это, кривая жизни Жана Кристофа заканчивается тем, что вновь возвращается к своему началу. Можно сказать, что это — путь, поднимающийся зигзагообразно вверх». На последних страницах мы вновь видим детство в преображенном виде. Старик Кристоф смотрит с разумным снисхождением на кривую своей жизни, на свою борьбу и даже на своих врагов. Он и сейчас находит успокоение в созерцании. Умирающий Кристоф, завершивший свой круг, призывает молодежь перешагнуть через его труп и продолжать свое наступление.

Кривую жизни Жана Кристофа Ромэн Роллан сравнивает с кривой, отраженной в его последнем великом произведении — «Очарованная душа».

Я следую за Ромэн Ролланом в его описании. Я думаю о том волнующем моменте в его жизни и творчестве, когда страш-

ная социальная реальность расстроила весь этот величественный порядок. Война... Ромэн Роллан как будто отгадал мою мысль:

— Не забывайте, что «Над схваткой», написанная в начале войны, в 1915 году, была как бы эпилогом к «Жану Кристофу», приложением к книге «Грядущий день». Приходится поражаться, что эта книга могла выйти в свет. В этом можно убедиться, если сравнить начало четвертой части «Грядущего дня», предсказавшей в 1912 году европейскую войну и сразу выступившей против нее.

Но война бросила на весы тяжелый груз реальных действий. Она опрокинула равновесие созерцательных действий Кристофа. Я оказался втянутым в борьбу, меня заставили пойти на поле брани.

Не в первый раз я оказался лицом к лицу с социализмом. У меня уже раньше, еще до 1900 года, иногда бывала какая-то жгучая интуиция, чувствовалось временное пробуждение. Об этом говорят отдельные места в моем дневнике. Но у меня не было непосредственного контакта с социализмом. Моим убежищем попрежнему оставался индивидуализм. Это продолжалось до тех пор, пока я не увидел в социализме и коммунизме единственную гарантию подлинной независимости духа, единственную возможность полного интегрального развития индивидуальности. Этот новый этап был достигнут в течение последних 10 лет. Круг мыслей развернулся, превратился в параболу, острие которой постоянно стремится вперед.

Ромэн Роллан возвращается к началу нашей беседы:

— Над проблемами культуры господствует сознание необходимости ее универсальности, взаимного проникновения мысли и действия, динамизм проблем и движение вперед. В этом условии истины и здоровья. Необходимость постоянного роста.

Что я требую от современного искусства? Динамического, лирического, героического реализма. Искусство должно быть проникнуто стремлением к непрерывному росту, к движению вперед, к штурму.

Здесь острие стрелы, крайняя точка течения.

— Считаете ли вы, что вашей политической эволюции соответствует и эволюция в культурной области? Если так, то в отношении каких культурных ценностей изменилась ваша оценка и какого характера это изменение?

— Нет, это не так. Я мало отверг из того, что избрал. Я имею в виду греческих трагиков, Шекспира, Рабле, Рембрандта, Дидро, Гете, Бетховена, Толстого. Я их только лучше вижу сейчас, вижу их зависимость от своей эпохи, но они прежние для меня.

По правде говоря, я не вижу, чтобы пролетарская революция уже создала, за исключением нескольких сильных лирических произведений, прекрасных поэм, искусство, которое бы действительно ей принадлежало и было бы ее достойно. Это — дело времени.

— Думаете ли вы, что ваша предварительная классификация культурных ценностей оказала решающее влияние на ваше политическое развитие?

— Весьма возможно. Эти ценности не наши отклик в окружающем меня мире, они были заглушены, и они вновь получили свою силу в новой обстановке, в новой политической атмосфере.

Например, народный театр. Он был неосуществим тогда, когда я решил его создать, но он осуществим теперь. Эта концепция была как бы предвестником последующего политического движения. Есть культурные идеи, которые предшествуют политическому движению.

Народный театр является единственной формой театра, которую я признаю. Начиная с 1900 года я носился с идеей народных празднеств, на которых народ составил бы одно целое со спектаклем. Это переплетение идей и действий, искусства и публики, немислимое в довоенный период, возможно теперь, хотя оно до сих пор не осуществлено.

Интересуюсь всем, Ромэн Роллан спрашивает меня о последних попытках рабочего театра, о спектаклях и вечерах Дома культуры, о перспективах нашей работы. Я прошу его меня ознакомить с его концепцией подлинных народных празднеств.

— Я думаю о сочетании говорящего фильма с драмой. Язык должен быть лапидарный, собранный, образный, но вместе с тем непосредственный, вызывающий массовый плач. Симфоническая хордовая

музыка, отличающаяся своим широким диапазоном. Архитектурность действия, архитектурность в движении. Этот народный театр ставит на очередь многочисленные проблемы пространства и акустики, массовых движений, движущихся фресок.

На моей бумажке был еще вопрос: как вы примиряете традицию и новое в искусстве? Ромэн Роллан пробуждается от своих мечтаний о театре, созданном для народа самим народом:

— Традиция — в нас, мы ее носители, наша плоть пропитана ею. Традиция — это замороженное отражение движений. Поскольку она заморожена, она является смертью, и ее следует уничтожить. Поскольку она в движении — это порыв, который нас толкает вперед, это глубокий источник новых открытий, постоянно обновляющийся.

Вы меня спрашиваете, рассматриваю ли я свое творчество как одно целое. Мое творчество не есть целое. Это многообразие ходов, из которых не все вели к одной цели, но которые все направлены к тому, чтобы идти хотя бы даже ощупью в одном направлении. Многие из них затерялись в лесу.

Сколько врагов я нажил своим творчеством?! Я нажил врагов своими вещами: «Волки», «Ярмарка на площади», «Над схваткой», «Пятнадцать лет борьбы». Я нажил врагов, во-первых, потому, что я старался самостоятельно мыслить. По мнению Эмиля Бюре, это означает, что я отличаюсь «невсоятной гордостью». Помните, что я жил отшельником и хотел судить о своей эпохе, стоя в стороне. Это, повидимому, было многим неприятно.

Известно, какую ненависть ко мне вызвала книга «Над схваткой», но все забыли впечатление, которое произвела до войны моя книга «Ярмарка на площади». Вы не можете себе представить, какие бурные выступления вызвала эта книга. Говорили, что я совершил преступление против отечества и так далее. Одним словом, все то же, что потом говорили о книге «Над схваткой». Все потом затихло, так как я имел успех, но враги, которых я тогда приобрел, оказались самыми заклятыми. Они только на время замолчали. Во время войны я их вновь увидел, и все же эта «Ярмарка на площади» кажется мне теперь бесцветной по сравнению с тем, что я мог бы сказать против общества. Чем же в таком случае объяснить это бешенство? Дело в том, что всегда больше всего ненавидят человека, который покидает

свой класс и культуру и переходит в лагерь врага. И те, которые, таким образом, во мне обманулись, обрушились на меня с большим бешенством, чем представители «Акссион франсез», которые также всегда боролись против меня.

— Как выработался ваш идеал мира?

— Я осмотрелся вокруг себя, я учел весь свой опыт. Я обсудил свой опыт в Европе, в Индии. Опыт Ганди, которого я высоко ценил как человека за его южный характер. Я возлагал на него большие надежды, однако этот эксперимент окончился провалом на глазах даже крупнейших вождей Индии.

Был целый ряд классовых боев во всей Европе, со всякого рода репрессиями и лишением свобод. Фашизм. Существенная особенность фашизма заключается в том, что он деморализует своих последователей и доводит их до такой степени одиозности, что уж из этого одного легко понять, насколько иллюзорно надеяться победить различные виды фашизма индийскими способами, внутренним сопротивлением, как это думают люди вроде Фелисьена Шалей. Это правило поведения может оказаться подходящим для отдельных людей, но не для народа. Народы оно может лишь деморализовать.

— Какую роль может, по-вашему, сыграть французский народ в защите мира?

— Виктор Гюго заявил, что «в XX веке Франция объявит мир всему миру». Можно принять эту формулу, если мы ее освободим от ее внешней формы. Да, нужно заставить мир принять мир. Для этого есть лишь один путь — путь интернационала труда, борьба народного фронта, проведенная в международном масштабе. Только этим путем мы добьемся неделимого мира, о котором я говорил.

На этом оканчивается беседа. Пути великого писателя и труженика народа сходятся. Идеи Ромэн Роллана естественно приходят к этой концепции борьбы за мир: «Через революцию к миру» — так он назвал свое последнее произведение. Но эта концепция не является конечной. Она открыта для будущего, для того чудесного будущего, блестящие зарисовки которого Ромэн Роллан видел в прошлом году в СССР.

На этом пути инженер душ Ромэн Роллан является нашим проводником, учителем, «наиболее близким сердцу пролетариата нашей страны», как сказал недавно руководитель французской коммунистической партии Морис Торез.